

МАНЕЖНАЯ ПЛОЩАДЬ И «ПОЛИТИКА МАСС»

Борис Кагарлицкий

Борис Кагарлицкий – социолог, журналист, публицист. Директор Института глобализации и социальных движений. Автор многих книг, среди которых «Политология революции» (2007), «Периферийная империя: циклы русской истории» (2009)

Социальный протест – это когда люди выступают в защиту или с требованием каких-то социальных прав. Какие социальные права требовали люди на Манежной площади? Никаких. Не было там и националистических лозунгов, только фашистские и черносотенные. Более того, назвать националистами людей, которые были на Манежной, значит очень им польстить. Национализм в России предполагает некое представление о том, что существует полиэтничная русская нация. А то, что происходило на Манежной, а потом на «Парке культуры» и «Киевской», можно сопоставить, скажем, с племенными волнениями в Кении или в Руанде, когда толпа, как правило, возбужденных алкоголем представителей одного племени идет бить таких же представителей другого племени. Никакого отношения к социальному протесту это не имеет. В лучшем случае можно говорить о некоторых проявлениях

социального разрушения, когда общество начинает распадаться как таковое. Кстати, подобного рода явления ставят вопрос о том, насколько вообще в России возможен социальный протест. Такие вещи происходят там, где нет общества. Если у нас люди руководствуются племенными инстинктами, то они, следовательно, *еще* или *уже* не способны к каким-то социальным действиям. Поэтому тут можно зафиксировать, безусловно, разложение общества и социальный кризис, но социального протеста как раз и нет.

Наличие социальных протестов абсолютно не означает, что западное общество здоровое, но в России мы наблюдаем разложение. Вопрос в том, насколько глубоко это разложение зашло, но это мы выясним впоследствии. Потому что мы видим только симптомы и еще не можем в полной мере оценить, как далеко зашла болезнь. Но опять-таки нельзя говорить, что выступления и драки, в которых участвовало в общей сложности со всех сторон 10 тысяч человек, для 140-миллионной страны масштабный симптом. Он масштабен лишь тем, что это происходило у Кремлевской стены при полном попустительстве властей. Строго говоря, эти столкновения нельзя назвать массовыми. **Только страна, которая отвыкла от массовой политики, может считать, что толпа в 5 тысяч человек – это масса.** Во Франции вышло 3 миллиона человек на улицу – вот это массовый протест! В Англии на demonstra-

ционного движения нет, и говорить о массовости этих фашистских акций можно только на фоне полного отсутствия массовой политики как таковой.

На Манежной площади было меньше людей, чем на «Русском марше». То есть никакой массовой мобилизации и распространения этого движения нет. Есть попустительство, и есть стремление прессы обсуждать именно это. И в этом смысле СМИ предельно эффективны. Драки и столкновения успешны не потому, что они массовые, что они пользуются поддержкой или представляют широкие народные слои, а только потому, что пресса в точности выполняет то, что ей положено выполнять по существующему сценарию. То есть она начинает обсуждать именно эти события: что власть допускает на Манежной площади погром, что не применяются жесткие, четкие и эффективные меры, как, скажем, к другим оппозиционным группам. Это отчасти справедливо, поскольку вышедшие на Манежную площадь люди не являются оппозицией, они не противники режима. Поэтому к ним соответственно несколько по-другому относятся. Но это не имеет никакого отношения к каким-то глубинным процессам в обществе. И когда спрашивают, что делать, я отвечаю: жить дальше. Жить дальше в соответствии с реальной повесткой дня, которая связана с социальным кризисом, экономическим упадком, с деградацией материально-технической базы рос-

Явления, подобные беспорядку на Манежной площади, ставят вопрос о том, насколько вообще в России возможен социальный протест

сии студентов, которая закончилась столкновением с полицией, собралось 50–60 тысяч человек, объединенных определенными, более или менее внятными, лозунгами и целями. А в России массо-

сийской экономики и так далее. Вот реальные проблемы, которые есть и которые так или иначе придется решать. ■

Специально для Ярославской инициативы